
В. И. ПАНТИН, В. В. ЛАПКИН

**ПЕРЕХОДНАЯ ЭПОХА 2020-х – 2040-х гг.:
ЦИКЛЫ, СИНГУЛЯРНОСТЬ
И АЛЬТЕРНАТИВЫ НЕЖДАННОГО
БУДУЩЕГО**

Статья посвящена выявлению основных тенденций и альтернатив, которые характерны для наступающей эпохи 2020-х – 2040-х гг. Анализ как уже наметившихся в последнее время трендов глобальных перемен, так и авторской теоретической модели эволюции международной рыночной системы и ее циклов позволяет сделать вывод, что этот период будет переходным в плане формирования нового мирового порядка и во многом решающим для всего будущего развития человеческой цивилизации. Основное внимание в статье уделено исследованию текущего цикла эволюции мировой системы, стартовавшего в конце 1960-х – начале 1970-х гг., и особенно переходу в его рамках в конце 2010-х – начале 2020-х гг. от фазы великих потрясений к фазе революции мирового рынка, что подтверждено анализом количественных данных мировой экономической динамики. Выявлены и проанализированы фундаментальные причины многочисленных дисфункций униполярной модели миропорядка. На основании сокращения циклов эволюции мировой системы сделан прогноз о сингулярности на траектории мирового политического и экономического развития, ожидаемой в начале 2040-х гг. Выход на сингулярность в теории циклов эволюции мировой системы в практической плоскости означает императивное требование выработки к этому времени новой парадигмы развития и основ нового мирового порядка. В статье делается вывод о непредрешиенности будущего, о вероятном сочетании в мировом развитии различных тенденций и наличии разных вариантов такого перехода, о появлении новых институциональных форматов взаимодействия политических субъектов. Кроме того, дан прогноз об изменении характера мирового лидерства и природы государственности, в том числе о трансформации идеалитипической модели современного государства.

Ключевые слова: *мировая рыночная система, циклы эволюции, фаза великих потрясений, фаза революции мирового рынка, сингулярность, мировое лидерство, прогноз, варианты и сценарии мирового развития.*

Униполярная модель мирового порядка: триумф и несостоятельность

В настоящее время (начало 2020-х гг.) все более очевидными становятся глубокие и масштабные технологические, социальные, институциональные внутривнутриполитические и геополитические сдвиги, ведущие к изменению всего мирового порядка. О причинах и движущих силах этих изменений пишут многие авторы (см., например: Zakaria 2008; Ikenberry 2011; 2018; Reich, Lebow 2014; Duncombe, Dunne 2018; Гринин Л. Е., Гринин А. Л. 2019). В то же время долговременные многовековые тенденции, которые привели к исчерпанию ресурсов прежней модели развития мировой системы и к необходимости ее радикальной трансформации, как правило, остаются в тени (подробнее см.: Лапкин, Пантин 2019: 26–27, 49–55, 59).

На наш взгляд, большинство исследователей, экспертов и действующих политиков, вынужденно реагируя на все более очевидные перемены, тем не менее редко обращаются к анализу наиболее глубоких, фундаментальных причин и факторов *современного кризиса мировой рыночной системы и многочисленных, все нарастающих дисфункций униполярной (моноцентричной) модели мирового порядка*. Между тем кризис этой модели стал результатом длительной, многовековой эволюции мировой рыночно-капиталистической системы, результатом глобального продвижения капитализма, распространения принципов и практик представительной демократии, национального суверенитета, территориальной государственности и глобального разделения труда.

Удивительный, но вполне закономерный парадокс, на который, как правило, не обращают внимания, состоит в следующем. После распада СССР в начале 1990-х гг. коллективный рыночно-капиталистический Запад, устранив своего основного противника и конкурента, обрел невиданное ранее могущество, отвоевав себе и узаконив за собою статус главного бенефициара (распорядителя и потребителя) мировых ресурсов, распространил свои нормы и институты на весь мир, представив их в качестве универсальных. И одновременно внутри коллективного Запада произошло исчезновение альтернатив эволюции (сначала в сфере идеологии, а затем и на

практике), в определенной мере даже закрепленное на уровне наднациональных и международных институтов, подавление и исчезновение конкуренции, а с ней и стимулов реального социально-политического развития. А это, в свою очередь, привело к глубокой и неконтролируемой деградации в наиболее чувствительных, затрагивающих базовые интересы общества сферах экономики, политики и культуры. Деградация поразила социальную сферу как многих западных стран (включая мирового лидера в лице США), так и большинства других, многообразных и интегрированных в структуры глобальной униполярной системы стран и сообществ. Ценой, которую пришлось заплатить западным странам за определенное и, как теперь уже ясно, временное подавление конкурентной борьбы между собой, стало сокращение их культурного, социального и политического разнообразия. А эффективным орудием этого стали сформированные транснациональные элиты и многочисленные наднациональные органы, от ЕС и НАТО вплоть до разного рода международных «регулирующих и координирующих» структур в сферах глобальных финансов, торговли, права, технологий и т. п. Одной из важнейших функций этих органов и структур является трансляция, принудительное продвижение и распространение в рамках глобализованного мира единых для всего Запада и, как правило, единолично определяемых США унифицированных принципов и стандартов внутренней и внешней политики, финансовой, инвестиционной и технологической дисциплины.

Именно триумф Запада, больше всех выигравшего от неолиберальной глобализации и выстраивания мировой иерархии¹, привел к неожиданным на первый взгляд и весьма драматическим для всего мира последствиям. Запад под эгидой мирового лидера США наконец-то обрел долгожданное единство. Но при этом с 1990-х гг., после распада СССР, на Западе и в контролируемых им регионах

¹ Согласно этой иерархии, во главе всех стран стоят США, затем идут страны ЕС и Япония, а также тесно связанные с США Великобритания, Канада, Австралия и Новая Зеландия, затем Китай, Россия, Индия, а потом все остальные государства, во многом лишенные реального суверенитета, поскольку существенные элементы реального суверенитета стран, отнесенных в категорию «остальных государств», в огромной, критически значимой мере делегированы внешним акторам (как надгосударственной природы, так и их «государствам-патронам»).

мира наряду с количественным ростом резко возобладала унификация, исчезли стимулы для соревнования различных социальных и политических систем, для дифференциации, конкуренции и реального обновления. Живое культурное, социальное, политическое многообразие, дававшее Западу на протяжении многих столетий мощные и эффективные стимулы для развития, качественного преобразования политических, социокультурных и экономических систем, стало быстро исчезать после победы над СССР и краха коммунистического движения в самих западных странах. Западные ценности, институты, нормы жизни, провозглашенные как универсальные и функционирующие повсеместно, рассматриваемые как основной источник развития, превратились в причину дисфункций социального порядка, в источник социально-политической дестабилизации, постоянных внутри- и внешнеполитических конфликтов, ведущих к хаосу и создающих у большинства жителей Земли тревожное настроение непредсказуемости будущего (Тодд 2004; Turchin 2013; 2016; Фергюсон 2016; Korotayev *et al.* 2018).

Более того, незаметно, но по историческим меркам очень быстро эти «универсальные» западные ценности и институты во многих отношениях превратились в свою противоположность. Вместо протестантской этики и разумного самоограничения в потреблении стали доминировать разрушение религии, гедонизм, жажда постоянно растущего и неограниченного потребления, погоня за всем «новым» независимо от того, полезно это «новое» или вредно. Вместо прочной традиционной буржуазной семьи на ее обломках утвердились «свободные», ничем не ограниченные сексуальные отношения без любви, включая быструю и многократную смену партнера, однополые браки, изменение пола, движения типа «свободы от детей» (*childfree*) и т. п. Вместо нации и национального государства (*nation-state*) как императива государственного строительства постепенно его целью стали полиэтнические и поликультурные государственные образования, во многом живущие за счет притока инокультурных иммигрантов. Государственная машина приобрела черты самодостаточности и сосредоточилась на самообслуживании и самовоспроизводстве, отводя обществу роль опекаемого иждивенца, обязанного ритуально осуществлять на выборах процедуру легитимации государственной власти, демонстрировать

необходимую лояльность и дисциплинированность, санкционируя этим монополию государства в сферах образования, здравоохранения, социальной защиты, обеспечения правопорядка и т. п.

Но параллельно с этим своего рода апгрейдом государства, при активном его участии, «дополняя» его и возвышаясь над ним, сформировались наднациональные союзы типа ЕС и транснациональные финансовые (ТНБ) и корпоративные (ТНК) структуры. Именно им в итоге обновленное государство добровольно делегирует существенную часть своего суверенитета, который обрело благодаря поддержке общества, но теперь оно далеко не всегда оказывается способно проконтролировать и оценить социальные последствия действий государственной власти.

Технологическое лидерство США и других стран Запада сохранилось, но новые и новейшие технологии, включая генетическую инженерию, клонирование, *IT*- и *AI*-технологии, стали не только источником развития человека и общества, но и олицетворением реальной угрозы, угрозы их деградации. Несмотря на все усилия США любой ценой сохранить прежний, погружающийся в глубокий кризис униполярный мировой порядок, дальнейшее его сохранение ведет мировое сообщество в тупик. Именно продвижение униполярной модели мироустройства завело Запад и весь мир в опасную и во многом непредсказуемую ситуацию. Возможно, единственным выходом из нее стал бы переход к новому полицентричному, основанному на культурно-цивилизационном многообразии мировому порядку, альтернативному униполярной модели.

Особенности современного цикла эволюции мировой системы и его завершающий характер

Вопрос, когда и каким образом может произойти переход к новому мировому порядку, является во многих отношениях ключевым. Ответить на него, исходя только из анализа краткосрочных или даже среднесрочных трендов современного развития, практически невозможно, так как речь идет о радикальном изменении мирового порядка, то есть о глобальных сдвигах, представляющих собой результат длительного исторического развития на протяжении многих сотен лет. Безусловно, наша эпоха уникальна; но, во-

первых, эта констатация не снимает с исследователя обязанность обоснования и раскрытия существа и природы этой уникальности, а во-вторых, принципиально неверным было бы говорить на этом основании о ее якобы полной отъединенности, оторванности от всех предшествующих исторических эпох. Если сформулировать предельно кратко (подробнее мы дадим обоснование этому ниже), то нынешняя переходная эпоха венчает весьма длительный временной период развития сначала международной, а затем глобальной рыночной системы (Арриги 2006; 2009; Modelski, Thompson 1996; Frank 1998; Лапкин, Пантин 2019: 20–30). Наша эпоха не только формирует тенденции глобализации и интеграции, но и активизирует тенденции дифференциации, умножения разнообразия путей развития в мире, создает множественные центры политической и экономической силы, новые условия сосуществования и взаимодействия многих культурно неповторимых и нетождественных цивилизаций.

Иными словами, период 2020-х – 2040-х гг., в который мы уже вступили, является заключительной фазой последнего цикла эволюции мировой рыночной политической и экономической системы (в том виде, в каком исторический опыт человечества позволил нам составить о ней представление). И в этом состоит особый характер данного периода, неповторимого, чреватого как многочисленными рисками, так и новыми возможностями. Поскольку мы уже многократно писали о системе циклов эволюции мировой системы (Пантин, Лапкин 2006: 280–332; 2014: 248–288; Лапкин, Пантин 2019: 25–37 и т. д.), здесь приведем краткую таблицу, в которой упомянем лишь последние три цикла индустриальной эпохи; их датировка основана на анализе длительных исторических процессов (табл. 1).

Таблица 1. Датировка фаз циклов эволюции мировой политической и экономической системы с середины XVIII в.

Цикл	Фаза эволюционного цикла	Примерная датировка	Длительность
I	1. Структурный кризис (СК)	1753–1789 гг.	Около 36 лет
	2. Технологическая революция (ТР)	1789–1813 гг.	Около 24 лет
	3. Великие потрясения (ВП)	1813–1849 гг.	Около 36 лет
	4. Революция мирового рынка (РМР)	1849–1873 гг.	Около 24 лет

Окончание табл.

Цикл	Фаза эволюционного цикла	Примерная датировка	Длительность
II	1. Структурный кризис (СК)	1873–1897 гг.	Около 24 лет
	2. Технологическая революция (ТР)	1897–1921 гг.	Около 24 лет
	3. Великие потрясения (ВП)	1921–1945 гг.	Около 24 лет
	4. Революция мирового рынка (РМР)	1945–1969 гг.	Около 24 лет
III	1. Структурный кризис (СК)	1969–1981 гг.	Около 12 лет
	2. Технологическая революция (ТР)	1981–2005 гг.	Около 24 лет
	3. Великие потрясения (ВП)	2005–2017 гг.	Около 12 лет
	4. Революция мирового рынка (РМР)	2017–2041 гг.	Около 24 лет
	Структурный кризис???	2041– ???	Сингулярность! <i>Переход к виртуальному (в силу сингулярного «схлопывания» этого периода) структурному кризису, после которого ожидается изменение самой парадигмы мирового развития</i>

Каждый из циклов эволюции мировой политической и экономической системы состоит из четырех фаз: фазы структурного кризиса, фазы технологической революции, фазы великих потрясений в мировой политике и экономике и фазы революции мирового рынка, причем каждая из них имеет свои ярко выраженные особенности (Пантин 1996: 56–63; Пантин, Лапкин 2014: 248–265; Лапкин, Пантин 2019: 25–37, 49–55). Отметим, что датировка фаз приведенных в табл. 1 первых двух циклов эволюции мировой политической и экономической системы эпохи индустриального общества, как правило, не вызывает сомнений, так как она соответствует датировке повышательных и понижательных волн циклов Кондратьева, в основном совпадающих с фазами эволюционных циклов (Kondratieff, Stolper 1935; Mandel 1995; Пантин, Лапкин 2014: 236–248). Вопросы возникают лишь в связи с датировкой последнего (третьего и завершающего индустриальную эпоху) цикла эволюции мировой системы, поскольку многие авторы не могут принять закономерное сокращение фаз структурного кризиса (СК) – великих потрясений (ВП), соответствующих понижательным волнам циклов Кондратьева.

Однако приведенные ниже данные экономической динамики, как и эмпирический анализ происходящих политических, социаль-

ных и экономических событий, свидетельствуют именно о сокращении продолжительности фаз СК и ВП, о том, что приведенная в табл. 1 датировка эволюционных циклов полностью соответствует действительности (важно сопоставить рис. 1, 2 и 3).

Чтобы показать реальное наличие и временные границы фаз последнего цикла эволюции мировой рыночной системы, а также выявить его специфику, рассмотрим рис. 1 и 2, на которых отражена динамика важнейших экономических показателей – цены на золото и мирового ВВП в пересчете на золото в период 1970–2018 гг. Этот период третьего (см. табл. 1), последнего в рамках прежней парадигмы эволюционного цикла охватывает фазы *структурного кризиса* (1969–1981 гг.), *технологической революции* (1981–2005 гг.) и *великих потрясений* (2005–2017 гг.), а также самое начало перехода к фазе *революции мирового рынка* (2017–2041 гг.).

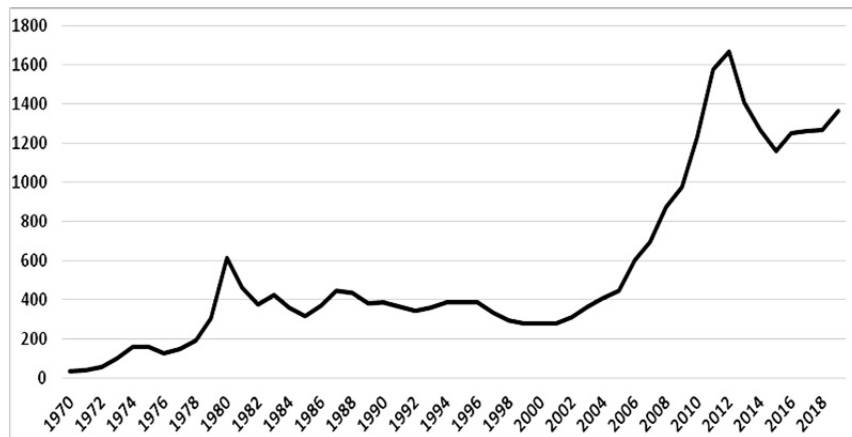

Рис. 1. Цена золота (1970–2019), долларов США за унцию

Источник: <https://www.macrotrends.net/1333/historical-gold-prices-100-year-chart> (дата обращения: 04.03.2020).

Так, на рис. 1, где показаны изменения цены золота в период 1970–2019 гг. в долларах США за унцию, наглядно видны переходы от фазы структурного кризиса к фазе технологической революции и от фазы технологической революции к фазе великих потрясений. Напомним, что в периоды низкой конъюнктуры и кризисов,

когда агентам рынка безопаснее становится вкладывать деньги в золото, *цена золота не падает, а растет*, в отличие от показателей ВВП и ряда других. Напротив, она уменьшается или стабилизируется в периоды относительно высокой конъюнктуры, когда выгоднее вкладывать деньги в развитие реальной экономики.

Из рис. 1 видно, что цена на золото с некоторыми колебаниями почти непрерывно повышалась в период 1970-х – начала 1980-х гг. (фаза структурного кризиса, в которой имела место общая стагнация), а в период начала 1980-х – начала 2000-х гг. несколько уменьшилась и стабилизировалась (фаза технологической революции, когда производство в ведущих странах с рыночной экономикой стало расти за счет развития новых отраслей). Однако с начала 2000-х гг. и особенно после 2005 г. (фаза великих потрясений) цены на золото устремились резко вверх, оставив далеко позади все «рекорды» фазы структурного кризиса и достигнув пика к 2012 г., что стало непосредственно угрожать крахом всей мировой капиталистической экономике. Это заставило ведущие банки мира, объединившиеся в «золотой картель», всеми способами контролировать цены на золото, не допуская их дальнейшего заоблачного роста. Тем не менее цена на золото после 2015 г. снова устремилась вверх и в 2019–2020 гг. почти достигла максимума 2011–2012 гг. Подобный резкий и во многом беспрецедентный рост объясняется общей экономической и политической дестабилизацией, характерной для фазы великих потрясений.

Еще более явно и наглядно переход от фазы структурного кризиса (1970–1981 гг.) к фазе технологической революции (примерно 1981–2005 гг.) и затем к фазе великих потрясений (около 2005–2017 гг.) виден на рис. 2, на котором показана динамика мирового ВВП в пересчете на золото (фактически приведенные данные показывают, сколько унций золота «стоит» в данном году мировой ВВП, выраженный в текущих долларах США).

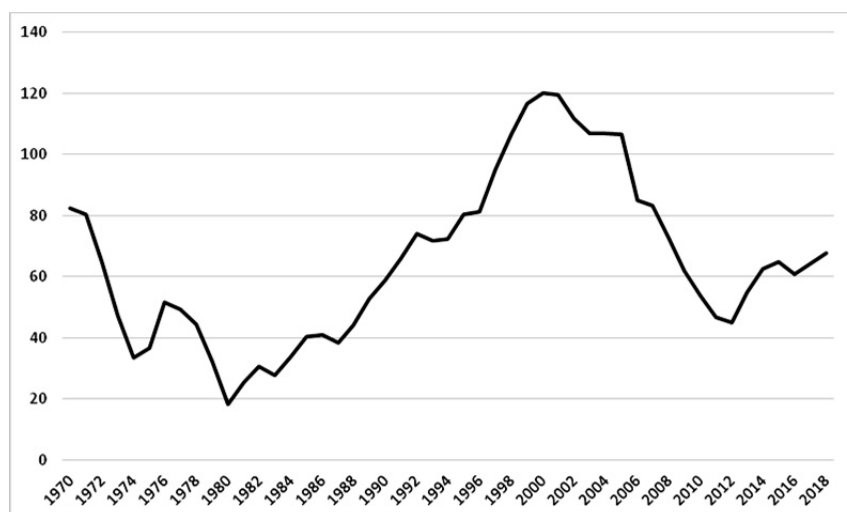

Рис. 2. Мировой ВВП (в текущих долларах США), выраженный по отношению к золоту (1970–2018 гг.), млрд унций

Источник: <https://data.worldbank.org/indicator/ny.gdp.mktp.cd> (дата обращения: 04.03.2020).

То, что мировой ВВП в этом исчислении является гораздо более адекватным показателем, чем ВВП, выраженный в долларах, следует из того, что именно золото, в отличие от непрерывно печатаемых и постоянно обесценивающихся бумажных долларов, является реальным денежным эквивалентом и мерой стоимости. Более того, во всех предшествующих циклах эволюции мировой системы, начиная с раннего Средневековья и заканчивая началом 1970-х гг. (то есть вплоть до начала последнего эволюционного цикла!), именно золото было всеобщим денежным эквивалентом, мерой стоимости и мировыми деньгами. Только в начале 1970-х гг., когда мировая резервная валюта – доллар США – перестала даже номинально обмениваться на золото, мировой ВВП и ВВП отдельных стран стали измеряться в фиктивных, по сути, ничем не обеспеченных бумажных долларах, а сам доллар стал главным средством невообразимых финансовых спекуляций и манипуляций, порождая параллельную и неконтролируемо возрастающую «финансомику»

деривативов, превратившись в мощное орудие финансовой и военно-политической гегемонии США.

На рис. 2 отчетливо видны не только упомянутые переходы от одной фазы к другой, но и характерные различия между фазами структурного кризиса и великих потрясений. В фазе великих потрясений мировой ВВП, выраженный в золоте, обрушился настолько глубоко и резко, что на протяжении всей этой фазы (примерно 2005–2017 гг.) *так и не смог достигнуть уровня 1970 г.*, то есть уровня начала фазы структурного кризиса 50-летней давности! Особенность и даже уникальность последнего цикла эволюции мировой системы состоит в том, что, как ни парадоксально, реальный мировой ВВП, оцененный не в печатаемых по мере потребности бумажных долларах, а в золоте, растет после 1970 г. (с наступлением завершающего эволюционного цикла) весьма медленно и крайне неустойчиво, что свидетельствует о серьезной разбалансировке всей глобальной рыночной системы.

Смену фаз цикла эволюции мировой системы иллюстрирует также рис. 3, на котором показано изменение среднегодовой процентной ставки Федерального резерва США в период 1983–2019 гг. Отметим, что в отличие от фазы структурного кризиса 1969–1981 гг., когда процентная ставка в США была высокой, в фазе великих потрясений (2005–2017 гг.), благодаря политике Федерального резерва США, процентная ставка резко обвалилась с начала 2000-х гг., а после глобального кризиса 2008–2009 гг. практически достигла нуля.

Таким образом, в период 1983–2004 гг. среднегодовая базовая процентная ставка Федерального резерва в целом имела тенденцию к падению, хотя и колебалась в широких пределах (1,13–9,21 %), составляя в среднем за этот период 5,46 %. После 2005 г. процентная ставка сначала выросла, а затем резко упала почти до нуля (вплоть до 2016–2017 гг.)². В 2017–2019 гг. началось небольшое

² В целом экстремальное снижение процентной ставки почти до нуля (а в отдельные моменты и ниже!) диагностирует фатальное и системное снижение мотивации к инвестиционно-предпринимательской деятельности, то есть фактически полное исчерпание потенциала классической парадигмы капитализма. Капитал как «самовозрастающая стоимость» отказывается «самовозрастать»... В своем стремительном и повсеместном распространении он уничтожил все те ресурсы нерыночной природы, которые служили основой его самовозрастания, обеспечивали его «питательным субстратом», формировали саму «субстанцию капитала» (см., например, о проблеме саморегулирующегося рынка и фиктивных товаров: Поляны 2002: 82–91).

увеличение ставки Федерального резерва, однако оно пока является чрезвычайно неустойчивым, включающим ряд колебаний и новых падений в 2019–2020 гг., что характерно для начала предкризисного периода, переходного к фазе революции мирового рынка.

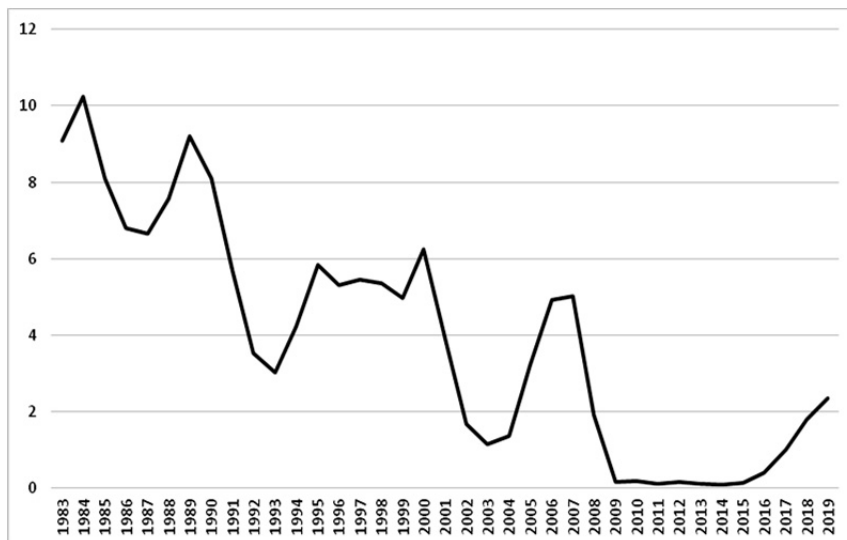

Рис. 3. Базовая ставка процента Федеральной резервной системы США (1983–2019), средние за год значения

Источник: <https://www.macrotrends.net/2015/fed-funds-rate-historical-chart> (дата обращения: 04.03.2020).

Итак, специфика завершающего цикла эволюции мировой политической и экономической системы заключается в чрезвычайно резких колебаниях важнейших экономических показателей (цены на золото, мирового ВВП, выраженного в унциях золота, процентной ставки Федеральной резервной системы США и др.), а также в преимущественно фиктивном (выраженном в бумажных долларах, а не в реальном производстве) экономическом росте и социальном развитии. Эти резкие, невиданные прежде колебания связаны как с нестабильностью мировой финансовой системы, неконтролируемым печатанием долларов, их «отвязкой» от золота и всех реальных экономических показателей, так и с общей социально-политической дестабилизацией, характерной для завершающего

цикла эволюции мировой политической и экономической системы. Что касается преимущественно фиктивного экономического и социально-политического развития, то оно обусловлено прежде всего неслыханным разрастанием спекулятивной финансовой системы и ее доминированием над реальной экономикой, постоянно порождающим различные финансово-спекулятивные пузыри, внутренние и международные конфликты, обвалы валют и экономики в целом (на страновом, региональном и даже глобальном уровне), многочисленные социальные и политические кризисы и потрясения по всему миру. Эта нестабильность будет, по-видимому (как, в частности, показывают события весны 2020 г.), сопровождать и весь начальный этап текущей революции мирового рынка (РМР).

Вперед – сингулярность

Из датировки циклов, приведенной в табл. 1 и основанной на анализе долговременных исторических тенденций, следует, что с каждым последующим эволюционным циклом продолжительность фаз структурного кризиса и великих потрясений сокращается в среднем примерно на 12 лет и после 2041 г. обращается в нуль. Само сокращение этих фаз, как уже неоднократно отмечалось, связано с ускорением технологического, информационного и геополитического развития мира, с тем, что новые технологические и иные сдвиги вызревают и распространяются все быстрее, а процедуры их все более ускоренного освоения и включения в инвестиционно-производственные «цепочки» становятся органичным этапом «нормального» и устойчивого цикла воспроизводства. Однако следующее из этой теоретической модели обращение длительности фаз СК и ВП в нуль, вызванное таким ускорением, обозначает сингулярность, которая в действительности будет маркировать в соответствующий период времени глубокий и масштабный перелом в мировом развитии. Этот «сингулярный переход» в начале 2040-х гг. также вытекает из ряда исследований технологической и социально-политической динамики, но в них приводятся разные даты приближения к сингулярности, основанные на более или менее приблизительной экстраполяции нелинейной динамики технологического и социального развития (Панов 2005; Snooks 2005; Назаретян 2013). В то же время в работе Р. Курцвейла «Сингулярность уже

близко» (Kurzweil 2005) приведена дата сингулярности, соответствующая 2045 г., что близко к 2041 г. (или началу 2040-х гг.), вытекающему из приведенной выше системы циклов эволюции мировой политической и экономической системы. Отметим также, что первая публикация, посвященная нашей системе эволюционных циклов и вытекающей из нее сингулярности, состоялась еще в 1996 г. (Пантин 1996: 68, 73, 135), а Р. Курцвейл опубликовал свою работу в 2005 г. К тому же он не привел четкого обоснования 2045 года как даты сингулярности, скорее ориентируясь на «круглый» временной интервал – сорокалетие (2005–2045 гг.).

Напомним, что сингулярность (особенность) в математике – это точка, в которой математическая функция стремится к бесконечности или имеет какие-либо иные нерегулярности поведения. Простейший пример такой сингулярности представляет функция $1/x$, когда x стремится к нулю. В экономическом и политическом развитии *сингулярность следует понимать как такую стремительную изменчивость технологических и социальных процессов, когда на исторически малом отрезке времени происходят непредсказуемые, кардинальные и масштабные перемены, влекущие за собой переход к принципиально иному состоянию и мировой экономической системы, и базового общественного уклада.* Напомним, что в случае предсказываемой нами сингулярности начала 2040-х гг. речь идет о завершении многовекового тренда функционирования и эволюции мировой системы накопления ресурсов развития, основанной, в логике циклов Кондратьева, на чередовании повышательных и понижательных фаз или, в логике циклов эволюции мировой политической и экономической системы, фаз устойчивого роста (фазы ТР и РМР) и глубокой дестабилизации (СК и ВП) мирового развития. Условно говоря, в первой половине 2040-х гг. мировой эволюционный процесс начнет выстраиваться на совершенно иных принципах, а мир, для того чтобы удовлетворить свою потребность в развитии, вынужден будет освоить к этому периоду иную парадигму существования, экономического и политического воспроизводства, исключаящую прежние глобальные кризисные потрясения и «обвалы» рыночной конъюнктуры. Не только решение этой задачи, но и сама ее постановка до самого последнего времени представлялась даже большинству высокопрофессиональных экс-

пертов совершенно оторванной от реальности, «ненаучной», «непрактичной», напоминающей «прекраснодушные мечтания». Но, полагаем, пройдет не столь уж много времени, и такая задача будет осознана и практиками, и теоретиками *политики развития* как неотвратимый императив выживания человеческой цивилизации, поскольку именно к этой задаче как к своему итогу с неумолимостью подводит весь многовековой эволюционный процесс капиталистического накопления и глобального продвижения принципов капиталистической организации общества. Решение этой задачи, если оно будет найдено, вряд ли станет панацеей от всех внутренних проблем человечества и едва ли явится «золотым ключиком», отмыкающим заветную дверь в мир всеобщего счастья, но оно откроет новые горизонты общественного развития, ныне нам неведомые.

Мы вынуждены оставить спекуляции по поводу того, что может происходить в этом неведомом будущем, за временной гранью сингулярности. Более важным для нас сегодня представляется анализ того, какие процессы будут способствовать подготовке к предстоящей трансформации или, напротив, затруднять ее. Фактически предстоящая сингулярность связана прежде всего с исчерпанием прежней модели и фундаментальных основ развития первоначально международной, а затем и мировой, глобальной рыночной системы (Валлерстайн 2003; Лапкин, Пантин 2019). В случае использования теоретической модели эволюции мировой рыночной системы при переходе в начале 2040-х гг. к следующему эволюционному циклу в нуль обращается продолжительность фазы структурного кризиса (табл. 1). Между тем функционально эта фаза ответственна в рамках эволюционного цикла данной системы за исчерпание прежней парадигмы технологического, социального и политического развития, а также за зарождение новой парадигмы и ее первоначальное продвижение в ведущих центрах системы (подробнее см.: Пантин, Лапкин 2014). На практике предсказываемое «схлопывание» фазы структурного кризиса означает бесконечно быстрое, неуправляемое и непредсказуемое технологическое, социальное и политическое развитие мирового рынка, чреватое либо катастрофой, либо переходом к новой мировой системе, новой парадигме развития и новому мировому порядку.

В связи с приближением к моменту сингулярности и эволюционному завершению последовательности циклов мировой рыночной эволюции, которая берет свое начало еще в VII в. (Лапкин, Пантин 2019: 21–24, 25–33), последний эволюционный цикл 1969–2041 гг., как уже отмечалось выше, имеет свои особенности и ярко выраженную специфику. Эта специфика состоит, в частности, в том, что в фазе великих потрясений (примерно 2005–2017 гг.) и на начальном этапе (конец 2010-х – начало 2020-х гг.) фазы революции мирового рынка (РМР), в которую мы недавно вступили, происходит всеобщая социально-политическая дестабилизация, хаотизация международных отношений.

Эффект такой дестабилизации накладывается на отсутствие нового центра-лидера, который мог бы заменить прежнего, теряющего свои позиции мирового лидера – США. Происходит это потому, что экспансия ставшей глобальной мировой рыночно-капиталистической системы натолкнулась на свои естественные пределы – вся земная твердь ею уже освоена, и дальнейшее ее экстенсивное развитие уже невозможно. Последними не вполне освоенными мировым рынком регионами мира были Россия и постсоветское пространство, а также Китай, Индия и Африка. Но после распада СССР в 1991 г., быстрого рыночно-капиталистического развития Китая и Индии в 1980-х – 2010-х гг., а также развития рыночно-капиталистических отношений в странах Африки свободные, еще не вполне освоенные рыночной системой человеческие и природные ресурсы на Земле практически исчезли. И это придает последнему циклу эволюции мировой рыночной системы и особенно ее заключительной фазе – фазе революции мирового рынка (РМР) – особый драматизм.

Вместе с тем современный мир до последнего времени не проявлял видимых признаков готовности к существованию, полностью освобожденному от контроля со стороны мирового гегемона. К тому же итог трансформации мировой системы и характер «постсингулярного» («постбифуркационного») мирового порядка остаются непредрешенными. Они зависят прежде всего от содержания и результатов переходного периода 2020-х – начала 2040-х гг., от того, как именно он будет пройден и какие тенденции в этот период возобладают. По мере своего становления и проявления новый миро-

вой порядок и новый локальный порядок (*state*) могут таить в себе много неожиданного; в них могут сочетаться, казалось бы, несочетаемые тенденции, социально-политические структуры, институты и практики социальной интеграции. Сегодня мы находимся в самом начале этого процесса, но в свете событий последних месяцев уже начинают проступать контуры новой глобальной повестки дня. Целый ряд возрождающихся в последние десятилетия незападных держав обретают субъектность, каждая из них обустроивает собственную ресурсную «периферию», возрождает собственную, пусть даже в ограниченном формате локальных зон влияния, систему контроля над внешними рынками. В целом же эти проступающие контуры будущего складываются постепенно в целостную мозаичную картину нового, *неиерархического мироустройства*.

Иными словами, на смену прежней эпохе глобальной интеграции (Пантин, Лапкин 2014: 204–234) идет новая эпоха глобальной дифференциации, одной из первоначальных задач которой, безусловно, станет выработка механизмов наследования достижений и *ресурсов развития* уходящей эпохи. На этой новой повестке дня остро стоят вопросы институционального оформления невиданной прежде интенсификации международных отношений и беспрецедентной коммуникационной мобильности, нового «передела мира» между теми глобальными центрами силы, которым удастся сохранить, а возможно, и нарастить свой субъектный потенциал в процессе преодоления нынешнего кризиса, новой реконфигурации современного глобализованного *пространства*.

Движение от прежней к новой эпохе логично описывать в терминах «переходного состояния». Возможны разные варианты преодоления переходности – от всеобщей деградации при бескомпромиссном стремлении мирового гегемона, не считаясь ни с какими последствиями, сохранить униполярный миропорядок или же создания всеобщего хаоса при быстром крушении мирового порядка и неконтролируемом использовании новейших технологий до более эволюционного и некатастрофического развития, основанного на многообразии политических, социальных, культурно-цивилизационных систем. В этом последнем случае следует прогнозировать создание новых динамичных внутривнутриполитических и международных коалиций, ориентированных на продуктивное (неантагонисти-

ческое) взаимодействие (Гринин 2012; Лапкин 2018; 2019). Ключевым условием и критерием выбора того или иного варианта развития будет способность основных политических субъектов к выработке консенсусных принципов нового миропорядка, демонстрирующего реальную эффективность (подобно ялтинским или потсдамским договоренностям держав в середине XX в.). Этот новый, более стабильный и более сложный миропорядок может быть выстроен только путем выработки институционализированного формата взаимодействия ведущих игроков в критически важных для мирового развития областях. По существу, речь идет об отсутствующих сегодня институциональных предпосылках и технологических платформах глобального взаимодействия таких игроков, необходимых для обеспечения сетевых форм их коммуникации, сочетающих автономию и надежную сопряженность друг с другом. Для этого всему миру потребуется пройти напряженный период последовательной и глубокой дифференциации соответствующих институтов и комплексов практик, регулирующих отношения между государственными и иными политическими субъектами разного уровня.

Именно усилия в этом направлении могут стать залогом предотвращения распада глобального мира на последовательно автаркические сегменты (такой распад резко снизил бы возможности эволюционного и некатастрофического развития). Иными словами, речь идет о способности ведущих политических субъектов найти компромиссное решение, среднее между двумя равно деструктивными вариантами мирового развития: 1) сохранением униполярного миропорядка с его усиливающимися дисфункциями, насаждением повсюду «универсальных» норм и практик, что ведет к уничтожению живого разнообразия эволюции человеческих сообществ, и 2) распадом глобального мира на автаркически закрытые территории, являющиеся, по существу, реализацией принципа локального универсализма.

Пока что такого компромиссного и институционализированного формата в мировой системе не существует, однако есть его важные зародыши в виде «Двадцатки» (G20), БРИКС, ШОС, которые объединяют страны, относящиеся к разным цивилизациям, и тем самым способствуют поддержанию культурно-цивилизационного,

политического и социального многообразия в рамках глобального мира. В то же время давление США, отстаивающих униполярный миропорядок, усиливается, хотя Соединенные Штаты демонстрируют все больший социальный и внутривнутриполитический раскол общества и все более глубокий раскол элит, выражающие отсутствие в них единой позиции в поиске путей спасения американской глобальной гегемонии. Тем не менее, при всех внутривнутриполитических распрях и колебаниях в вопросах тактики, давление США на окружающий мир не ослабевает, а, скорее, даже возрастает. И результат такого усиливающегося давления может оказаться катастрофическим как для самих Соединенных Штатов, так и для всего мира.

Грядущие изменения и судьба мирового лидерства

Глубокие сдвиги и трансформации миропорядка, которые уже начались и которые станут содержанием переходного периода 2020-х – 2040-х гг., включают, на наш взгляд, следующие изменения (в данной статье, разумеется, можно лишь кратко перечислить основные направления этих сдвигов и трансформаций).

Во-первых, продолжится и, возможно, проявится еще более отчетливо тенденция глубокой трансформации модели национально-территориальной государственности. Нынешняя критическая неустойчивость миропорядка в решающей степени обусловлена именно усиливающейся девальвацией институтов и принципов национально-территориального государства, растущей несостоятельностью его претензий на уважение своего суверенитета со стороны других государств, усиливающейся конкуренцией со стороны новых глобальных иерархий (таких, например, как G7).

Понимание горизонта возможностей трансформации национально-территориальной государственности побуждает к исследованию природы современного государства безотносительно его формального национально-территориального институционального каркаса, к анализу системных практик современной государственной политики, выходящих за соответствующие нормативные рамки. Так, эволюция миропорядка, выстраиваемого на основе глобальной системы национально-территориальных государств, в конце XX в. закономерно привела мир в ловушку «униполярной дисфункции». Выявилась принципиальная дефектность представлений о нацио-

нально-территориальном государстве как универсальной единице политического обустройства современного мира. К концу XX в. содержание понятия государства подверглось колоссальной редукции. Теперь оно уже не включало императивных требований формирования суверенного внутреннего рынка, системы его защиты и ресурсного обеспечения за счет зависимой периферии, наличия суверенных политической и правовой систем. Напротив, оно предполагало принципиальную неполноту и ущербность ресурсного оснащения новых случаев национально-государственного строительства в этот период, их изначальную зависимость от внешних субъектов глобального рынка и структур «коллективной безопасности», пребывающих вне рамок формально суверенного территориального контроля государства. За рамки представлений о современном государстве были вытеснены такие ключевые и прежде считавшиеся неотъемлемыми его составляющие: а) как альтернативный территориальному имперский принцип организации государственности; б) способность государства как идеальной формы к эволюции, порождающей и распространяющей в пространстве международной политики исторические волны его (государства) обновления и реконструкции; в) способность государства к симбиотическому сосуществованию с глобальной (и экстратерриториальной) системой капитализма.

Вместе с тем именно в последние годы в политическом дискурсе все более откровенно стала звучать тема империи (или неоимперии) как перспективной и даже более адекватной государственной формы реализации стратегических интересов старых и новых держав. Прежде всего это касается особой группы государств, в которых потребность сохранения целостности государства и его суверенитета сформировала запрос на привлечение ресурсов культурно-цивилизационной природы в интересах консолидации общества. Сегодня целый ряд «региональных держав» стремится реализовать свою собственную версию претендующего на всеобщность (пусть лишь в региональном масштабе) государственного и мирового устройства. Тем самым нащупываются пути к выстраиванию конкурентной и полицентричной мировой системы (к «множественной глобальности»), опирающейся на ресурсный потенциал всего многообразия культур и цивилизаций и обеспечивающей развитие на прин-

ципах глобального сотрудничества альтернативных стратегий. Иными словами, наступает эра несогласных с прежним миропорядком «ревизионистских государств» (к коим, по нашим оценкам, следует причислить потенциально и США: формально они сегодня продолжают отстаивать прежний миропорядок, но подспудно пытаются найти возможности формирования нового).

Во-вторых, в числе предстоящих ключевых изменений к середине рассматриваемого периода 2020-х – 2040-х гг. отчетливо проявятся исчерпание и кризис прежней глобальной финансовой системы как основы униполярной модели и многообразных практик военно-политической и технологически-инвестиционной экспансии США. При этом, скорее всего, возникнет ряд переходных финансовых систем в рамках региональных союзов – например, зона доллара, зона юаня, зона евро, зона иены и т. д. Одновременно будут идти интенсивные преобразования в области технологий, коммуникаций, латентного переформатирования рынков.

В-третьих, под влиянием демографических, цивилизационных и геополитических сдвигов будут происходить изменение баланса сил в мире, уменьшение экономической и политической роли «коллективного Запада», подъем держав Незапада и их разнообразных объединений.

В-четвертых, будет изменяться этнонациональный и конфессиональный состав населения внутри самих развитых стран Запада, особенно в критически важных для развития социальных стратах, что будет сопровождаться кризисом западной модели либерализма и демократии, отказом от признания западной либеральной демократии в качестве универсальной политической модели для всех стран мира (Гринин Л. Е., Гринин А. Л. 2019).

Наконец, **в-пятых**, будут происходить дальнейшее нарастание дисфункций униполярного миропорядка и его кризис, ослабление позиций США как сверхдержавы, нарастание внутренних политических размежеваний и расколов в западных обществах. Причина этих дисфункций во многом коренится в не находящей решения проблеме трансляции мирового лидерства (от «старого» централидера мировой системы – США – к «новому»), формирование которого было фактически заблокировано Соединенными Штатами несколько десятилетий тому назад). Следует отметить, что Китай по

целому ряду причин не сможет стать новым центром-лидером, хотя его мощь и влияние в мире будут возрастать. К числу таких причин относятся, в частности, исторически инвариантная имперско-централизованная природа Китая, его особый, выделяющий эту страну среди ряда других, культурно-цивилизационный код. Еще более важные причины структурного характера – нежелание и неспособность США передать (транслировать) мировое лидерство Китаю, прежде всего в силу выстроенной ими униполярной системы управления миром (в этом и состоит *ловушка «униполярной дисфункции»*): США уже не в состоянии нести дальше тяжкую ношу мирового гегемона, но и не могут никому ее передать. Поэтому утрата ими лидерских позиций будет вести не к последовательному перехвату этих атрибутов лидерства новым мировым гегемоном, но к качественному преобразованию самих базовых принципов глобальной управляемости. Не менее веской причиной является исчерпание потенциала экспансии прежней мировой рыночно-капиталистической системы, о чем говорилось выше. В целом эта блокировка механизмов смены центра-лидера свидетельствует о глубокой неадекватности иерархического принципа мироустройства сегодняшним вызовам глобальной управляемости.

Прежде чем продолжить тему судьбы мирового лидерства, следует дать некоторые пояснения. В свое время (Ильин, Иноземцев 2001: 207–234; Лапкин, Пантин 2004: 132–163) нами была предложена и в дальнейшем более детально разработана структурная модель мировой системы, включающая дифференциацию центров политической и экономической силы на присущую каждому из циклов ее эволюции пару *центр-лидер* и *противоцентр*. Введение этих понятий позволило более адекватно анализировать и прогнозировать процессы эволюции миропорядка и, соответственно, дифференцировать политику развития, проводимую ключевыми акторами этой системы. Эта дифференциация на центр-лидер и противоцентр, характерная для всего Нового времени, наиболее отчетливо прослеживается именно в ходе последних трех циклов индустриальной эпохи (см. табл. 1). Такая дифференциация связана прежде всего с попытками выстроить жесткую иерархию капиталистических государств и обеспечить конкурирующим мировым центрам силы пространства их исключительного преобладания

и господства. При этом в рамках мировой системы в целом функции противочентра во многом дополняли функции центра-лидера.

Так, в XVII – начале XVIII в. центром-лидером мировой рыночной системы была Голландия (Соединенные Провинции Нидерландов), ставшая «образцовой капиталистической страной», а противочентром – абсолютистская королевская Франция. С начала XVIII в. центром-лидером стала новая *морская и торговая* держава («владычица морей») – Великобритания, сохранявшая гегемонию до первой трети XIX в., а роль противочентра играла сначала абсолютистская, затем императорская (при Наполеоне I) и конституционно-монархическая Франция.

Со второй трети XIX в. и до Второй мировой войны центром-лидером мировой рыночно-капиталистической системы была радикально изменившаяся Великобритания, превратившаяся из морской и торговой державы в державу *индустриальную*, а противочентром, оспаривавшим ее владычество, становилась (и окончательно сформировалась к концу второй трети XIX в.) Германия.

После Второй мировой войны центром-лидером мировой системы стали Соединенные Штаты, а роль противочентра играл сначала Советский Союз, а затем его функции стали выполнять, дополняя друг друга, Китай (КНР) и Россия (РФ).

Однако в ближайшие десятилетия явное разделение на центр-лидер и противочентр будет постепенно исчезать, так как в современном глобальном и чрезвычайно динамичном мире невозможно жестко разделить сферы влияния и обеспечить длительное доминирование какого-либо одного центра силы. В условиях блокировки смены центра-лидера и вместе с тем неспособности старого центра-лидера полноценно исполнять свои функции, к тому же – в условиях функциональной и геополитической диверсификации противочентра, мировой порядок стал утрачивать свою иерархически организованную структуру. Появились (или, по крайней мере, обозначили свои амбиции) множественные мировые (США, ЕС, Китай, Россия, Индия) и региональные (например, Турция, Иран, Саудовская Аравия, Бразилия, Япония, Великобритания) центры силы, сохраняющие тесное взаимодействие и конкурирующие друг с другом. Это взаимодействие мировых и региональных центров характеризуется сегодня высоким динамизмом и разнообразием возни-

кающих консорций (межгосударственных структур, сообществ и союзов). Мир радикально меняется, становится более динамичным, гибким, подвижным, но одновременно и более неопределенным.

Соответственно, прежняя иерархия государств-субъектов миропорядка (см. сноску 1 в начале настоящей статьи), а также разделение на центр-лидер и противочентр исчезнут, возникнут новые динамичные коалиции, новые региональные и межрегиональные союзы. Важно подчеркнуть, что в переходный период 2020-х – 2040-х гг. изменится сам характер мирового лидерства. Прежняя единственная глобальная сверхдержава-гегемон, выстраивающая и контролирующая иерархию государств и весь мировой порядок, вероятнее всего, будет последовательно, хотя и с неизбежными колебаниями утрачивать свои доминирующие позиции под натиском других держав, преодолевающих ее монополию в ключевых сферах финансов, коммуникаций, технологий. США постепенно, после целого ряда кризисов, войн, внутренних и внешних потрясений перестанут быть такой сверхдержавой, а Китай окажется, скорее всего, неспособным в силу ограниченности его социокультурных, геополитических и иных ресурсов стать полноценным наследником Соединенных Штатов в мировой иерархии. Более того, такая перспектива наследования, по-видимому, не в интересах Китая: этот путь закрывает возможность дальнейшего качественного преобразования мировой системы и ее эволюции на новых основаниях, в чем Китай фундаментально заинтересован.

Итак, основными субъектами мирового политического и экономического развития на предстоящий двадцатилетний период, скорее всего, станут региональные союзы, сформированные по принципу близости цивилизационных оснований входящих в них государств. При этом сама природа государства и государственности, как и природа мирового лидерства, претерпит (и уже претерпевает) глубокие, принципиально важные изменения. Существенным ресурсом государственного строительства в этот период, дополнительным к национально-территориальному, станет ресурс культурно-цивилизационного своеобразия, дополненный в ряде случаев инструментами имперской консолидации. Иными словами, эпоха единой универсальной, глобально доминирующей Суперимперии (эпоха униполярного мира) в целом заканчивается. Нача-

ется эпоха конкуренции и формирования глобальной системы региональных (цивилизационно ориентированных) неоимперских политических образований, в той или иной степени адаптирующих политический арсенал модерна (современности) к собственной уникальной ценностно-культурной среде. Именно этого типа государствам предстоит выработать новые системные правила глобального сосуществования.

Анализ событий первой четверти 2020 г., когда завершалось написание этой статьи, дает дополнительные основания увязывать механизм деконструкции униполярного миропорядка с противостоянием США и КНР. Это нынешнее острейшее противостояние было подготовлено многолетним нарастанием экономических (торговых, инвестиционно-финансовых и технологически-правовых) противоречий между двумя ведущими экономическими сверхдержавами, оспаривающими мировое первенство. С упразднением биполярной системы и с усилением имперских черт в своей политике Соединенные Штаты трансформировались в некую политику-кентавра: во внутренней политике они по-прежнему напоминают государство-нацию, однако во внешней все более склоняются к использованию инструментария мировой империи, повсеместно продвигающей исключительно собственные интересы. Более того, с приходом Д. Трампа стремительно нарастают глубочайший институциональный кризис и ценностный раскол американского общества, что ставит уже под сомнение применимость модели *nation-state* и к внутривнутриполитическим процессам в этой стране.

Ключ к мировому доминированию – это контроль над мировым рынком и его ключевыми сегментами. Именно за это и идет сегодня острейшая борьба между США и КНР. В результате пертурбаций глобальной пандемии начала 2020 г. Китай на фоне углубляющегося экономического спада в США и ЕС приступает к восстановлению своего производственного потенциала. На этом поприще он имеет все шансы и, скорее всего, четкую осознанную цель – отвоевать существенную часть мирового рынка, в том числе преобразовывая под свои нужды финансовые и логистические структуры Европы и других терпящих бедствие регионов. Передел в свою пользу рынков сбыта имеет для Китая принципиальное значение, ибо только контроль над рынками может открыть полноценный

«зеленый свет» для китайской экономики. И если США пропустят этот удар, то глобальное экономическое равновесие может необратимо склониться в пользу Китая, что повлечет за собой весьма драматические последствия для мировой экономики, смену парадигмы ее развития и, по всей видимости, полное упразднение так называемой либерально-рыночной модели.

В любом случае в 2020-е – 2040-е гг. мир ожидает не просто эпоха перемен и неожиданных трансформаций, а период становления и утверждения нового мирового порядка. От того, каким образом будет пройден этот решающий период в жизни человечества, это серьезнейшее для него испытание, во многом будет зависеть и характер прохождения сингулярности, а также вся последующая эволюция мировой системы. Очевидно, что «простые», непродуманные и не учитывающие всю сложность и новизну этой переходной и неустойчивой ситуации политические решения, являющиеся результатом манипулирования сознанием людей в интересах узких групп элиты, могут привести либо к катастрофе, либо к постепенной деградации человека, природы и общества. Необходимы взвешенные, гибкие и продуманные решения, причем не в интересах отдельных государств, корпораций и элитных групп, а в интересах большинства человечества, всего международного сообщества.

Литература

Арриги, Дж.

2006. *Долгий двадцатый век. Деньги, власть и истоки нашего времени*. М.: Территория будущего. 472 с.

2009. *Адам Смит в Пекине. Что получил в наследство XXI век*. М.: Ин-т общественного проектирования. 456 с.

Валлерстайн, И. 2003. *Конец знакомого мира: Социология XXI в.* М.: Логос. 368 с.

Гринин, Л. Е. 2012. Реконфигурация мира, или наступающая эпоха новых коалиций. *История и современность* 2: 3–27.

Гринин, Л. Е., Гринин, А. Л. 2019. Современные глобальные тенденции и прогнозы на XXI столетие. *История и современность* 4: 3–35. DOI: <https://doi.org/10.30884/iis/2019.04.01>.

Ильин, М. В., Иноземцев, В. Л. (ред.). 2001. *Мегатренды мирового развития*. М.: Экономика. 295 с.

Лапкин, В. В.

2018. О национальном vs имперском обустройстве современного миропорядка. *Полис. Политические исследования* 4: 37–55. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2018.04.04>.

2019. Глобальная интерлюдия: от униполярной дисфункции к новому миропорядку. *Полис. Политические исследования* 6: 128–143. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2019.06.10>.

Лапкин, В. В., Пантин, В. И.

2004. *Геоэкономическая политика и глобальная политическая история*. М.: Олита. 280 с.

2019. Историческая динамика международной рыночной системы: циклы лидерства, геополитическая экспансия и перспективы трансформации мирового порядка. *История и современность* 1: 17–61. URL: <https://doi.org/10.30884/iis/2019.01.02>.

Назаретян, А. П. 2013. Середина XXI в.: загадка сингулярности. *Философские науки* 9: 15–24.

Панов, А. Д. 2005. Сингулярная точка истории. *Общественные науки и современность* 1: 122–137.

Пантин, В. И. 1996. *Циклы и ритмы истории*. Рязань: Аракс. 158 с.

Пантин, В. И., Лапкин, В. В.

2006. *Философия исторического прогнозирования: ритмы истории и перспективы мирового развития в первой половине XXI в.* Дубна: Феникс+. 448 с.

2014. *Историческое прогнозирование в XXI в.: Циклы Кондратьева, эволюционные циклы и перспективы мирового развития*. Дубна: Феникс+. 456 с.

Поланьи, К. 2002. *Великая трансформация: политические и экономические истоки нашего времени*. СПб.: Алетейя. 320 с.

Тодд, Э. 2004. *После империи. Рах Америка – начало конца*. М.: Международные отношения. 240 с.

Фергюсон, Н. 2016. *Великое вырождение. Как разрушаются институты и гибнут государства*. М.: АСТ. 192 с.

Duncombe, C., Dunne, T. 2018. After Liberal World Order. *International Affairs* 1(94): 25–42. DOI: <https://doi.org/10.1093/ia/iix234>.

Frank, A. G. 1998. *ReOrient. Global Economy in the Asian Age*. Berkeley: University of California Press. 416 pp.

Ikenberry, G. J.

2011. *Liberal Leviathan: The Origins, Crisis, and Transformation of the American World Order*. Princeton: Princeton University Press. 392 pp.

2018. The End of Liberal International Order? *International Affairs* 1(94): 7–23. DOI: <https://doi.org/10.1093/ia/iix241>.

Kondratieff, N. D., Stolper, W. F. 1935. The Long Waves in Economic Life. *Review of Economic Statistics* 6(17): 105–115.

Korotayev, A., Meshcherina, K., Shishkina, A. 2018. A Wave of Global Sociopolitical Destabilization of the 2010s: A Quantitative Analysis. *Democracy and Security* 4(14): 331–357. DOI: <https://doi.org/10.1080/17419166.2018.1517337>.

Kurzweil, R. 2005. *The Singularity is Near: When Humans Transcend Biology*. New York: Viking Books. 652 pp.

Mandel, E. 1995. *Long Waves of Capitalist Development. A Marxist Interpretation*. London; New York: Verso. 174 pp.

Modelski, G., Thompson, W. R. 1996. *Leading Sectors and World Powers: The Coevolution of Global Economics and Politics (Studies in International Relations)*. Columbia, SC: University of South Carolina Press. 282 pp.

Reich, S., Lebow, R. N. 2014. *Good-Bye Hegemony! Power and Influence in the Global System*. Princeton; New York: Princeton University Press. 208 pp.

Snooks, G. D. 2005. Big History or Big Theory? Uncovering the Laws of Life. *Social Evolution & History* 1(4): 160–188.

Turchin, P.

2013. Modeling Social Pressures Toward Political Instability. *Cliodynamics: The Journal of Theoretical and Mathematical History* 2(4): 241–280. DOI: <https://doi.org/10.21237/C7clio4221333>.

2016. *Ages of Discord: A Structural-Demographic Analysis of American History*. Chaplin, CT: Beresta Books LLC. 290 pp.

Zakaria, F. 2008. *The Post-American World*. New York; London: W. W. Norton & Company. 292 pp.